

Теория когурёского происхождения Бохая, отстаиваемая учеными двух Корей, обычно освещается в отечественной историографии с точки зрения южнокорейских ученых, при этом не учитываются взгляды их северных коллег. Таким образом, представление о северокорейской позиции формируется через работы южнокорейских исследователей [1, с.91]. Ученые Северной Кореи в доказательстве когурёского происхождения Бохая не останавливаются данными китайских хроник (в частности на записи в «Цзю Тан шу», якобы указывающей на когурёские корни Да Цзожуна, основателя Бохая [См: 2, с.83]). На территории КНДР в отличие от Республики Корея имеется богатый археологический материал, датируемый бохайским временем, который широко привлекается для доказательства собственной трактовки взаимоотношений Когурё и Бохая. Эта трактовка базируется на утверждении, что бохайцы, являясь наследниками Когурё, использовали когурёские традиции во всех сферах жизнедеятельности. Особое место здесь принадлежит изучению городищ и погребальных памятников.

Северокорейские историки исходят из того, что в Бохае использовались когурёские строительные технологии, т.к. сам Бохай располагался в том числе и на бывших землях Когурё, где известны равнинные, находящиеся на возвышенности и горных городища (Куннэ, Ляодун, Пхеньян и др.) [3, с.25].

Наиболее популярно сопоставление градостроительных характеристик двух столиц: когурёской в Пхеньяне и бохайской верхней столицы Лунцюаньфу, находящейся в районе современного китайского г. Дунцзинчэн.

Обе столицы в течение длительного времени являлись центрами сосредоточения военного дела, культуры, экономики, политики [4, с.29]. По мнению северокорейских специалистов, родственный характер городищ выражается в следующих особенностях: в выборе места строительства, в форме и методах возведения крепостных стен, в общей планировке города и в размещении строений внутри городских кварталов, в архитектуре сооружений.

В выборе места расположения столичной крепости бохайцы использовали выгодные в военном, экономическом и коммуникационном аспекте условия рельефа [3, с.25].

Верхняя столица Бохая была четырехугольной в плане, состояла из внешнего города весон и дворцового города кунсон. В последнем располагался «царский» город хвансон, где находилась и резиденция вана. Кунсон и хвансон располагались в центре северной части крепости. Крепостные ворота внутри внешнего города соединялись посредством дорог. Через всю крепость проходила большая центральная дорога, которая делила город на две половины, к ней примыкали остальные дороги, образуя при этом отдельные городские районы [4, с.30]. Во внешнем городе находился район для простолюдинов, в «царском» городе располагались правительственные ведомства [4, с.29]. Подобная планировка присутствует и в когурёских крепостях Куннэ, Пхеньян и Ляодун. Сходным является и то, что в обеих столицах северная стена дворцового города кунсон одновременно являлась и центральной частью северной стены крепости [3, с.26].

Периметр стен внешнего города весон, сравниваемых крепостей, составляет приблизительно 16 км. Общая длина крепостных стен – у Лунцюаньфу 23,7 км, у крепости Пхеньян – около 23 км. Наблюдается сходство в расположении построек в дворцовом городе кунсон: внутри, по центральной оси, располагались дворцовые комплексы, к востоку от них был разбит большой сад, который являлся местом для развлечений, тут же находился дворец наследного принца тонгун [4, с.31], западнее – оставалась ровная площадка. Фреска из гробницы Токхонни, изображавшая состязание

в стрельбе из лука в западной стороне дворцового города, позволяет предположить, что на этой ровной площадке располагалось учебное поле для таких военных занятий как езда на лошадях и стрельба из лука [3, с.26].

Можно говорить о том, что в эпоху Когурё существовала традиция возведения храма вне стен крепости. Это видно по сохранившимся базам колонн кумирни Чжунхын вблизи Пхеньянской крепости. Возможно, эта традиция нашла отражение в возведении у входа в восточные и западные ворота северной стены внешнего города Лунцюаньфу двух буддийских храмов [3, с.26; 4, с.31].

Ещё одним свидетельством, по мнению северокорейских исследователей, доказывающим преемственную связь между Когурё и Пархэ, является наличие стандартной единицы городской планировки – «блока-усадыбы», большая часть которых была соединена внутри каждого квартала по 4 штуки и разграничивалась дорогами в широтном и меридиональном направлении. Они были ориентированы по сторонам света и образовывали форму прямоугольника, поделенного на четыре равные части [3, с.27; 4, с.30].

Ещё одна дополнительная аналогия прослеживается в том, что внешний крепостной вал обеих столиц был глинобитным, а крепостные стены дворцового города кунсон и «царского» дворца хвансон выстроены из камня. Есть и другие схожие конструктивные и строительные особенности: использование в архитектуре построек внутри крепостей отопительной системы кан с большими дымоходами, и наличие восьмиугольных каменных колодцев. Последние в вертикальном разрезе имеют расширение в средней части и сужение книзу. Горизонтальное сечение в верхней части колодца круглое, в средней – восьмиугольное, у основания – четырехугольное [3, с.28]. Кроме того, при планировке построек использовалась равная единица длины ча, равная около 35 см. [3, с.29; 4, с.31].

Таким образом, северокорейские ученые приходят к выводу о том, что городища Пархэ (Бохая) сооружались именно по когурёскому типу. Возможно, строительство этих сооружений возглавляли именно мигранты из Когурё или их потомки [3, с.29].

В то же время необходимо указать на отличную от северокорейской точку зрения, иначе объясняющую выявленное сходство градостроительных техник Когурё и Бохая.

Отечественные исследователи указывают на то, что в эпоху средневековья образцом для строительства столичных городов Востока Азии служила столица танского Китая – г. Чанъань [5, с.202; 6, с.92, 96], что в свою очередь определило наличие столь общих черт у бохайского Лунцюаньфу и когурёского Пхеньяна.

Северокорейские ученые пытаются также обнаружить преемственность Бохая от Когурё на материалах изучения погребальных памятников. В основном все их доводы сводятся к тому, что в эпоху Когурё были широко распространены курганы с каменным гробом и земляной насыпью толькханхыкмудом и курганы с каменным гробом из плитняка и земляной насыпью тольгвакхыкмудом, а также могилы с каменной оградой тольгактаммудом. Затем, анализируя могильники эпохи Бохая, они приходят к выводу, что те же типы могил были основными и для бохайцев [7, с.32]. В эпоху Бохая для курганных погребений с каменным гробом и земляной насыпью было характерным наличие коридора, соединявшегося со склепом посредством входа сбоку (например, могила принцессы Чжэн Хуэй). В эпоху Когурё известно большое количество могил подобной конструкции: например, погребения могильников Кансо и Кёнсин, что может указывать на преемственную связь с бохайскими курганами с каменными гробами и

земляной насыпью [7, с.33].

Таким образом, археологические материалы действительно подтверждают наличие преемственности между Когурё и Бохай. Ученые других стран, учитывая данные археологических исследований, также признают, что Когурё оказало значительное влияние на формирование Бохая. Но северокорейские ученые, вместе со своими южнокорейскими коллегами, видят в этом подтверждение теории о когурёском происхождении бохайской культуры, совершенно при этом, забывая о том, что на самом деле присутствие столь многочисленных элементов когурёского происхождения в бохайских памятниках, свидетельствует лишь об одном из слагаемых многокомпонентной культуры Бохая.

Северная часть территории Когурё, а, следовательно, и всё что на ней находилось, вошла позднее в состав государства Бохай [8, с.39]. Кроме того, до гибели Когурё в 668 г. история его взаимоотношений с мохэскими племенами полна военных столкновений. И объединение усилий оставшихся когурёсцев и мохэских племен в борьбе с империей Тан происходит уже в конце VII в. [9, с.451, 452]. Не менее существенное влияние на формирование культуры Бохая оказывал и Китай, о чем в северокорейской литературе либо не упоминается, либо этот вопрос освещается поверхностно. Наконец, государство Бохай, и это признают большинство отечественных исследователей, образовалось, благодаря мохэскому этносу, достигшего соответствующего уровня в своём развитии [1, с.93; 9, с.453].

1. Шавкунов Э.В. О зарубежных концепциях истории Бохая // Вестник ДВО РАН – 1993. – №1. – С.88-94.
2. Чжунго лиши дитуцзи: Шивэнь хуйбянь. Дунбэй цзюань (Исторический атлас Китая: Сборник толкований. Раздел по Северо-Востоку). – Пекин: Чжунъин миньцзю сюэюань, 1988. – 395 с. (на кит. яз.).
3. Чан Саннэль. О городищах Пархэ // Чосон кого ёнгу. – 1987. – №3. – С.25-32 (на кор. яз.).
4. Чан Саннэль. О преемственных связях столицы Когурё городища Пхеньян и Верхней столицы Бохая Лунцюаньфу // Чосон кого ёнгу. – 1998. – №4. – С.29-31 (на кор. яз.).
5. Окладников А.П. Остатки бохайской столицы у г. Дунцзинчэн на р. Муданцзян. // Советская археология. – 1957. – №3. – С.198-214.
6. Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Столичные города Бохая // Россия и АТР – 1997. – №3. – С. 76-98.
7. Чан Чхольман. О когурёском характере пархэских могильников // Чосон кого ёнгу. – 1998. – №4. – С.32-36 (на кор. яз.).
8. Шавкунов Э.В. Государство Бохай и племена Дальнего востока России. – М.: Наука, 1994. – 219с.
9. Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. – С.449-475.

Научный руководитель – к. и. н. С.В. Алкин.

Материалы XLIV Международной научной студенческой конференции «тудент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография / Новосибир. Гос. университет. Новосибир, 2006. С.72-75

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ БОХАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ АРХЕОЛОГОВ

Written by Administrator

Wednesday, 03 October 2007 03:08 -
